

Елена Киреева*Вильнюсский университет**Институт иностранных языков**Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius, Lietuva**E-mail: jelena.kirejeva@ff.vu.lt**Научные интересы: когнитивная лингвистика, анализ дискурса, прагматика*

**К ВОПРОСУ О ТАКТИКАХ КОНФЛИКТНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

В статье исследуется репертуар тактик конфликтной коммуникации русскоязычного и англоязычного конфликтующего Ното Лоуэнс на материале межличностного конфликта, реализуемого в современной английской и русской драме. В силу жанра драма стремится к весьма точной передаче коммуникативного поведения и может свидетельствовать о существующей культуре коммуникации в определенном жанре речевого общения. Задача данной статьи состоит в определении способов реализации тактик, инициирующих конфликтное взаимодействие и свидетельствующих о расхождении ментальных репрезентаций интрактантов. Анализ выделенных конфликтных эпизодов показал, что основу репертуара русскоязычного коммуниканта составляет нарушение максимы одобрения, невыражения мнения и нарушение максимы такта; англоязычный коммуникант в свою очередь отдает предпочтение нарушению максимы одобрения и невыражения мнения в качестве тактик конфликтной коммуникации и прибегает к нарушению максимы такта реже, чем русскоязычный конфликтующий Ното Лоуэнс. Следует также отметить тот факт, что в конфликтной коммуникации русскоязычных и англоязычных коммуникантов под угрозу попадает как «негативное», так и «позитивное» лицо адресата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *тактика конфликтной коммуникации, максима принципа вежливости, «позитивное» лицо, «негативное» лицо.*

В научных теориях, рожденных в лоне англо-саксонских школ прагматики, человеческое общение мыслится как гармоничная интеракция, во время которой коммуниканты демонстрируют свою нацеленность на кооперацию как совместное объединение усилий для достижения результата и, соответственно, вежливое взаимодействие как способ успешной кооперации. Эти идеи находят воплощение в ряде работ таких авторов, как Пол Грайс (Grice 1991), Джеффри Лич (Leech 1983, 2014), Пенелопа Браун и Стивен Левинсон (Brown and Levinson 1987). На почве российской лингвистики эти идеи в русле сопоставительных лингвокультурных исследований развиваются Татьяной Лариной (Ларина 2009).

Данное исследование находится в области кросс-культурной прагматики. Оно базируется на известном принципе кооперации П. Грайса (ПК) с его четырьмя

максимами (количества, качества, способа и релевантности изложения), на разработанных Дж. Личем максимах принципа вежливости (ПВ) (такта, щедрости, одобрения, скромности, симпатии и добавленных позднее максимах обязанности (obligation), невыражения мнения (opinion-reticence) и невыражения чувств (feeling-reticence)), а также на идее «негативного» и «позитивного» лица, введенных П. Браун и С. Левинсоном.

Согласно Дж. Личу, «принцип вежливости аналогичный принципу кооперации является сдерживающим фактором в человеческом коммуникативном поведении, позволяющим нам избежать коммуникативных разногласий и обид, и обеспечивающий и поддерживающий коммуникативное единение и уважение к друг другу» (здесь и далее перевод наш. – Е. К.) (Leech 2014, p. 87)¹.

Однако в данной статье коммуникация рассматривается не сквозь призму интенции на кооперативное общение и избегание конфронтационной интеракции, а сквозь призму конфликта. Конфликт как борьба, столкновение взглядов, когнитивных и ценностных установок является имманентным свойством человеческого бытия; он неизбежен, вездесущ и многолик, ибо обусловленный биологически или социально, он неизбежно проникает во все сферы человеческого существования – сферу межличностных и профессиональных отношений, ткань культуры, и неизбежно эксплицируется вербально.

Задача данной статьи состоит в определении некоторых тактик конфликтной коммуникации и способов их реализации в репертуаре русскоязычного и англоязычного конфликтующего Homo Loquens в рамках определенного речевого жанра. Материалом исследования является социальный межличностный конфликт, реализуемый в современной драме. Социальный конфликт определяется как «наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся негативными эмоциями по отношению к друг другу» (Анцупов и Шпилов 2009). Межличностный конфликт, характеризуемый как «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий», в свою очередь, является ядром социальных конфликтов (Анцупов и Шпилов 2009). Жанр драмы, в рамках которого осуществляется данное исследование, согласно М. Бахтину, следует отнести ко вторичным речевым жанрам, которые в процессе своего формирования вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения (Бахтин 1996). В данном случае таким первичным жанром является жанр ссоры, поскольку «ссора – это речевой жанр, который отражает и оформляет в знаковых (вербальных и невербальных) формах типические ситуации бытовых социально-психологических конфликтов» (Седов 2007, с. 259). Таким образом, первичный речевой жанр ссоры, относящийся, по мнению В. Дементьева, к фатическим речевым жанрам, ухудшающим межличностные

¹ The Principle of Politeness (PP) – analogous to Grice's CP – is a constraint observed in human communicative behavior, influencing us to avoid communicative discord or offence, and maintain or enhance communicative concord or comity.

отношения в прямой форме (2010, с. 215), мало- или неинформативным, нацеленным на выражение нюансов взаимоотношений между участниками коммуникации, является инкорпорированным в ткань драмы, которая стремится к весьма точной передаче коммуникативного поведения, предоставляя тем самым возможность анализа речевых стратегий в диалогическом взаимодействии и свидетельствуя о существующей культуре коммуникации в данном жанре речевого общения, ибо именно «речевые жанры, выделенные данным языком, являются одним из лучших ключей к культуре данного общества» (Вежбицкая 1997, с. 111). В силу того, что общение в рамках такого фатического жанра как ссора, в отличие от, скажем, жанра светской беседы или жанра “small talk”, не является этикетизированным, выбор речевых тактик и тем, социально не регламентированных, осуществляется интерактантами свободно.

Конфликтные эпизоды, в которые оказались вовлечены русскоязычные коммуниканты, были определены на материале пьес Ивана Вырыпаева – представителя так называемой «новой драмы». В свою очередь пьесы Марка Равенхилла, Дэвида Эддриджа, Филипа Ридли, являющихся представителями In-Yer-Face theatre, послужили материалом для исследования конфликтных эпизодов между англоязычными коммуникантами. Несмотря на точки соприкосновения In-Yer-Face theatre и «новой драмы», выражающиеся в резком и жестком «невыглаженном» бытовом языке, избыточном эмотивной и обценной лексикой, желании взорвать эстетику театрального развлечения, разрушении табу, нам представляется, что интерактанты сохраняют способность демонстрировать свою принадлежность к культурам с разными оценочными системами, разными коммуникативными идеалами, и эти особенности их речевых практик обусловлены национальной культурой.

Под конфликтным эпизодом понимается диалогическое взаимодействие персонажей, начавшееся в момент, сигнализирующий о несоответствии целей интерактантов, их ментальных репрезентаций, либо об их враждебности друг к другу и завершающийся блокировкой вербальной или физической (в случае драки, например) активности одного или нескольких участников коммуникации. Именно репрезентация точки речевой коммуникации, в которой адресант заявляет о расхождении или несоответствии когнитивных структур с когнитивными структурами адресата, требует пристального внимания, поскольку именно эта точка и инициирует конфронтационное взаимодействие. Нарушение одной из приведенных выше максим ПК и ПВ и расценивается как тактика конфликтной коммуникации, сигнализирующая о начале несовпадения ментальных репрезентаций интерактантов.

Анализ идентифицированных конфликтных эпизодов позволил определить следующие тактики конфликтной коммуникации в репертуаре русскоязычного конфликтующего Homo Loquens.

В большинстве конфликтных эпизодов адресант посылает прямые сигналы дисгармонического речевого поведения, реализуемые в речи путем нарушения максимы одобрения, суть которой, согласно Личу, состоит в уменьшении степени

неодобрения адресата, повышая степень одобрения адресата: “(a) Minimize dispraise of *other* [(b) Maximize praise *other*]”, максимы согласия, нацеленной на уменьшение разногласий между адресантом и адресатом: “(a) Minimize disagreement between *self* and *other* [(b) Maximize agreement between *self* and *other*]” (Leech 1983, p. 132), а также максимы невыражения мнения, при соблюдении которой интерактант не должен рьяно выражать свое мнение, навязывая его другим, поскольку подобное поведение неприемлемо: “there is a low tolerance of opinionated behavior, where people express themselves forcefully, as if their opinions matter more than others” (Leech 2014, p. 97). В подобной ситуации адресант совершает экспрессивный акт с целью выражения негативных эмоций по отношению к адресату, его действиям, мыслям, либо выступает в роли инвектора, тем самым угрожая «позитивному» лицу адресата, суть которого, по мнению Браун и Левинсона, заключается в создании положительного имиджа и стремлении получить одобрение: “positive face: the positive consistent self-image or ‘personality’ (crucially including the desire that this self-image be appreciated and approved of) claimed by interactants” (Brown and Levinson 1987, p. 61). Например:

МАРТА: Значит, ты сейчас умрешь, Марк?

МАРК: Смерти нет, прекрасная Гульбахар. Всевышний примет нас, когда мы умрем, вот и все.

МАРТА: Ой, ой, ой! Это все такой бред, то, что ты сейчас говоришь! Это такой понос, то, что ты сейчас говоришь. Это просто кал, то, что ты сейчас говоришь.

МАРК: Смерти нет, вот и все.

МАРТА: Это такой кал, то, что ты говоришь. Это просто жуткое говно, то, что ты сейчас говоришь.

МАРК: Смерти нет, прекрасная Гульбахар.

МАРТА: Перестань.

(Иван Вырыпаев, «Пьяные», акт 1, сц. 1)

Нарушение максимы одобрения, максимы согласия, максимы невыражения мнения, сопряженное с нежеланием минимизировать угрозу лицу адресата при совершении приведенных выше ликоугрожающих актов, неизбежно инициирует конфронтацию.

Еще одним примером нарушения нескольких максим в рамках одной или нескольких реплик может послужить эпизод, когда нарушение максимы одобрения предшествует нарушению максимы такта, определяемой Личем как необходимость уменьшения затрат со стороны адресата и увеличение пользы для адресата: “(a) minimize cost to *other* [(b) Maximize benefit to *other*]” (Leech 1983, p. 132). Нарушение запрета на высказывание неодобрения, отрицательных характеристик и экспрессивность, создаваемая разнообразием нанизываемых отрицательных смыслов: *урод, спившаяся старуха, ты сломала мне жизнь*, безусловно, ставят «позитивное» лицо адресата под угрозу. Нарушение же вышеупомянутой максимы такта в большинстве случаев происходит тогда, когда адресант пытается оказать прямое речевое воздействие на адресата, лишая его зоны личной автономии. В данном случае адресант

проявляет импозитивность, выражая тем самым интенциональное состояние как потребность в том, чтобы адресат что-то сделал; при этом желания адресата игнорируются. Употребление императива, а не, скажем, конвенционально косвенного РА, в этом случае лишает адресата какого-либо выбора и, безусловно, требует от него определенных затрат и усилий, угрожая тем самым его «негативному» лицу, определяемому Браун и Левинсоном как желание того, чтобы твои действия никто не ограничивал: “negative face: the basic claim to territories, personal preserves, rights to non-distraction – i.e. to freedom of action and freedom of imposition” (Brown and Levinson 1987, p. 61), например:

ВАЛЕНТИНА: Я тебя ненавижу! Ты мерзкое, ничтожное существо.

КАТЯ: Ну, так и ты такая же.

ВАЛЕНТИНА: Ты урод, и всегда была уродом. Ты сломала мою жизнь, и жизнь человека, которого я любила. Ты нищая, спившаяся старуха! Я видеть тебя не могу! Сейчас же иди вон из моей комнаты. И вообще уходи – из квартиры и из моей жизни. Слышишь, – вон из моей жизни!

(Иван Вырыпаев, «Валентинов день», акт 1, сц. 1)

В приведенном выше примере нет конфликта мнений, и потому не нарушена максима согласия, нет навязывания своего мнения, но есть сильнейшее понижение статуса адресата и осуществляется атака как на «позитивное», так и на «негативное» лицо адресата.

Отказ адресата выполнять приказ или команду адресанта очень часто приводит к эскалации конфликта и, как следствие, к агрессивному физическому взаимодействию как невербальному эквиваленту конфронтации. Нередко употребление импозитивов сопряжено с острыми негативными эмоциями адресанта и его желанием полностью заблокировать какую-либо активность адресата и в большинстве случаев отделаться от него, тем самым прекратив интеракцию.

В проанализированных выше примерах адресант недвусмысленно сообщает адресату о своей нацеленности на конфронтацию, тем самым ограничивая интерпретационную деятельность слушающего.

Следующий эпизод демонстрирует переход от косвенной конфликтной тактики к прямой. Прибегая к иронии, которая «приукрашивает лицо иронизирующего во время атаки на лицо адресата» (Leech 2014, p. 235)², адресант нарушает максимум качества Грайса и впоследствии нарушает максимум такта:

ДЭВИД: Спасибо, Тэдди, но мне уже все объяснили и без тебя. Спасибо вам, ребята, за вашу помощь, за вашу поддержку, вы меня здорово поддержали, вы подняли меня из руин. Благодаря вашим добрым сердцам и смекалистому уму, я выбрался из своего «пасмурного» настроения, как вы его называете. Спасибо, вам еще и еще раз, дорогие мои друзья, спасибо Тэдди, спасибо Фрэнк, Хари Кришна, мистер лама Джон, так, кажется, у вас там принято говорить? Спасибо и вам девочки. Спасибо за все. А теперь, убирайтесь вон. И я больше никогда, слышите меня, никогда не хочу видеть вас в этом доме. Пошли все вон!

² Irony boosts the face of the ironist while attacking the face of the target O.

Пауза. Никто не двигается с места.

ДЭВИД: Я что не ясно выразился, или мне вызвать полицию? Убирайтесь из моего дома немедленно.

(Иван Вырыпаев, «Dreamworks», акт 1, сц. 4)

В приведенном эпизоде адресант, якобы, выражает глубокую благодарность своим друзьям за помощь, однако, проявление импозитивности, нарушение максимы такта и нападки на «негативное» лицо адресата свидетельствуют об его отказе от любых форм кооперации.

По мнению Лича, ирония, или *mock politeness* (насмешливая вежливость), «обеспечивает вежливость того, что говорится, на поверхностном уровне, но на глубинном уровне – призвана выражать негативную оценку» (Leech 2014, p. 100)³.

Мы привели лишь несколько эпизодов конфликтной коммуникации. В целом было проанализировано 20 конфликтных эпизодов, участниками которых явились русскоязычные коммуниканты.

Анализ драматургического материала на английском языке позволил определить следующие тактики конфликтной коммуникации.

В большинстве проанализированных конфликтных эпизодов адресант сигнализирует о несоответствии ментальных репрезентаций и нацеленности на конфликт путем нарушения максимы одобрения и максимы невыражения мнения, как, например, в ситуации, когда адресант выражает негативную реакцию по отношению к привычке адресата грызть ногти:

COUGAR: You know what you should do? Go outside and stick your fingers in some of that bird shit. That'd stop you biting your nails.

CAPTAIN: Don't be disgusting.

COUGAR: I'm not being disgusting. It's a good idea. There's so much shit everywhere, you might as well put it to use⁴.

(David Eldridge, “The Fastest Clock in the Universe”, act 1, p. 16)

Невежливый аспект, согласно Личу, заключается в том, что адресант демонстрирует откровенное превосходство над адресатом, поскольку считает себя вправе навязать свое мнение или представление о том, что правильное и полезнее для него (Leech 2014, p. 205).

Таким образом, нарушение вышеприведенных максим, угроза «негативному» лицу и нежелание уменьшить ликоугрожающий потенциал совета, даваемого в виде прямого импозитива, приводят интерактантов к конфликту.

Очень часто нарушение максимы невыражения мнения происходит при совершении экспрессивного речевого акта, когда «позитивное» лицо адресата ставится

³ Irony maintains courtesy on the surface level of *what is said*, but at a deeper level is calculated to imply a negative evaluation.

⁴ Кугар: Знаешь, что тебе нужно сделать? Пойди на улицу и засунь свои пальцы в птичье дерьмо. Может, тогда ты перестанешь грызть свои ногти?

Капитан: Не будь таким гадким.

Кугар: Я вовсе не гадкий. Это отличная идея. Вокруг столько дерьма, ты можешь им воспользоваться.

под угрозу, так как адресант выражает свое негативное отношение к адресату, и открыто желает ему зла, например:

MAUREEN: Why didn't you tell me?

DOREEN: Barry wanted you here. I didn't. Because I hate you. I hate your guts. I wish you nothing but the pain I feel inside. There⁵.

(David Eldridge, "In Basildon", act 1, p. 8)

Субъект инвективного речевого акта может избрать целью своей критики такие достоинства как ум, например:

JACKIE: Haven't you heard that sex and death are symbiotic to each other.

BARRY: Do fucking what?

JACKIE: You're thick as shit Barry, you really are⁶.

(David Eldridge, "In Basildon", act 2, p. 29)

Либо – высмеять репродуктивную функцию адресата в ироническом ключе, тем самым затрагивая табуированную тему и создавая атмосферу опасную для «позитивного» лица (*dangerous-to-face atmosphere*), например:

BARRY: We want our own place. Me and Jackie are sick of it. I know Shelley rents but she lives in London. Me and Jackie are the only one's in our family who are council. We want our own house. Where we can have a couple of kids.

MAUREEN: How's it going?

KEN: He's not got much lead in his pencil.

BARRY: I'm going to kill him in a minute⁷.

(David Eldridge, "In Basildon", act 1, p. 17)

Совершение иллокутивного акта обвинения, упрека или претензии неизбежно приводит к нарушению максимы одобрения и ставит «позитивное» лицо адресата под угрозу, как, например, в следующем эпизоде:

KEN: And I was still good to you and your Barry and he was nothing more than a job.

DOREEN: I know.

KEN: And all you ever did was turn your nose up at me.

DOREEN: I didn't⁸.

(David Eldridge, "In Basildon", act 3, p. 61)

⁵ Морин: Почему ты мне не сказала?

Дорин: Это Барри хотел, чтобы ты была здесь. Не я. Потому что я тебя ненавижу. Я ненавижу всю тебя. Хочу, чтобы у тебя все внутри болело. Вот там.

⁶ Джеки: Ты что не слышал, что секс и смерть существуют в симбиозе?

Барри: Чего они, черт побери, делают?

Джеки: Барри, ты тупой, как задница.

⁷ Барри: Мы, я и Джеки, хотим, чтобы у нас было свое жилье. Нам все надоело. Я знаю, Шелли арендует, но она живет в Лондоне. А мы единственные в нашей семье, у кого муниципальное жилье. Мы хотим иметь свой дом, где мы сможем завести парочку детей.

Морин: А как у вас с этим дела?

Кен: Да у него там не слишком много пороха в пороховницах.

Барри: Я его сейчас убью.

⁸ Кен: Я был подходящей партией для тебя, и твой Барри был всего лишь дерзким подростком.

Дорин: Я знаю.

Кен: А ты только носом крутила.

Дорин: Вовсе нет.

Примеры конфликтных эпизодов, в которых происходит нарушение максимы такта в качестве тактики конфликтной коммуникации, немногочисленны в репертуаре англоязычных коммуникантов, поскольку импозитивность и прямолинейность нельзя назвать основными чертами английского стиля коммуникации, а демонстрация импозитивности, вероятно, должна быть обусловлена исключительными обстоятельствами и эмоциональным состоянием коммуникантов:

KEN: I remember when they went up. But people actually wanted to live in them. Didn't they Maur? You can give some tower block a fancy name but a shit-hole's still a shit-hole in my book.

BARRY: Don't you call it a shit-hole!

KEN: You called it a shit-hole! You called it a shit-hole! You've called it every name under the sun and so has everyone else in Laindon I expect!

BARRY: Yer I did! And I've the right to call it shit-hole an'all cos I had to fucking live there on the fucking tenth floor with the fucking scum of the earth⁹!

(David Eldridge, "In Basildon", act 1, p. 16)

Мы привели лишь несколько эпизодов конфликтной коммуникации. В целом было проанализировано 20 конфликтных эпизодов, в которых конфликт разгорался между англоязычными коммуникантами.

Анализ выделенных конфликтных эпизодов позволяет сделать следующие выводы относительно репертуара русскоязычных и англоязычных интерактантов: основу репертуара русскоязычного коммуниканта составляет нарушение максимы одобрения, невыражения мнения и нарушение максимы такта; англоязычный коммуникант в свою очередь отдает предпочтение нарушению максимы одобрения и невыражения мнения в качестве тактик конфликтной коммуникации и прибегает к нарушению максимы такта реже, чем русскоязычный конфликтующий Homo Loquens. Следует также отметить тот факт, что в конфликтной коммуникации русскоязычных и англоязычных коммуникантов под угрозу попадает как «негативное», так и «позитивное» лицо адресата.

Данная статья ни в коей мере не претендует на исчерпывающий анализ конфликтных тактик русскоязычных и англоязычных конфликтующих Homo Loquens и представляет собой попытку исследовать конфликт в момент его зарождения и определить некоторые предпочтения русскоязычных и англоязычных интерактантов в выборе тактик конфликтной коммуникации в рамках первичного речевого жанра ссоры, являющегося структурным элементом вторичного жанра драмы.

⁹ Кен: Я помню, как они появились. Люди хотели жить в них. Не правда ли, Мор? Можно, конечно, и красиво назвать грудку кирпичей, но задница все равно остается задницей.

Барри: Не называй их задницей!

Кен: Так ты же сам называл их задницей и многими другими словами, как и все, живущие в Лондоне.

Барри: Да, называл, потому что, черт побери, у меня было право, так как я, твою мать, жил там на десятом этаже со всякими подонками.

Источники

ВЫРЫПАЕВ, И. А., 2000. *Город, где я*. Режим доступа: http://www.theatre-library.ru/files/v/vygruраev/vygruраev_2.html (см. 15.05.2015).

ВЫРЫПАЕВ, И. А., 2001. *Валентинов день*. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vigrураev_ivan_aleksandrovich/valentinov_den/read/ (см. 15.05.2015).

ВЫРЫПАЕВ, И. А., 2011. *Dreamworks*. Рукопись любезно предоставлена литературной частью Русского драматического театра Литвы.

ВЫРЫПАЕВ, И. А., 2012. *Пьяные*. Режим доступа: <http://drammaturgia.org/plays/32-ivan-vygruраev-руане.html> (см. 15.05.2015).

ВЫРЫПАЕВ, И. А., 2012. *Осы, которые кусают нас даже в сентябре*. Рукопись любезно предоставлена литературной частью Русского драматического театра Литвы.

ВЫРЫПАЕВ, И. А., 2012. *УФО*. Рукопись любезно предоставлена литературной частью Русского драматического театра Литвы.

ВЫРЫПАЕВ, И. А., 2014. *Невыносимо долгие объятия*. Рукопись любезно предоставлена литературной частью Русского драматического театра Литвы.

ELDRIDGE, D., 1994. *The Fastest Clock in the Universe*. Available at: <http://www.surrey.ac.uk/library/> (accessed May 15, 2015).

ELDRIDGE, D., 2004. *M.A.D.* Available at: <http://www.surrey.ac.uk/library/> (accessed May 15, 2015).

ELDRIDGE, D., 2011. *The Knot of the Heart*. Available at: <http://www.surrey.ac.uk/library/> (accessed May 15, 2015).

ELDRIDGE, D., 2012. *In Basildon*. Available at: <http://www.surrey.ac.uk/library/> (accessed May 15, 2015).

RAVENHILL, M., 2003. *Totally Over You*. Available at: <http://www.surrey.ac.uk/library/> (accessed May 15, 2015).

RIDLEY, P., 2007. *Leaves of Grass*. Available at: <http://www.surrey.ac.uk/library/> (accessed May 15, 2015).

Литература

АНЦУПОВ, А. Я., ШПИЛОВ, А. И., 2009. *Словарь конфликтолога*. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/887> (см. 15.05.2015).

БАХТИН, М. М., 1996. *Собр. соч. – Т.5: Работы 1940-1960 гг.* Русские словари. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (см. 15.05.2015).

ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1997. Речевые жанры. *Ип: Жанры речи*. Вып. 1. Саратов: Колледж.

ДЕМЕНТЬЕВ, В. В., 2010. *Теории речевых жанров*. Москва: Знак.

ЛАРИНА, Т. В., 2009. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Языки славянских культур.

СЕДОВ, К. Ф., 2007. *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*. Москва: Лабиринт.

BROWN, P. and LEVINSON, S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: CUP.

GRICE, P., 1991. *Studies in the Way of Words*. Harvard university press.

LEECH, G., 1983. *Principles of Pragmatics*. London, New York: London Group Ltd.

LEECH, G., 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: OUP.

Jelena Kirejeva

Vilnius University, Lithuania

Research interests: cognitive linguistics, discourse analysis, pragmatics

ON THE QUESTION OF SOME TACTICS OF CONFLICT COMMUNICATION**Summary**

The present article focuses on the sphere of human communication which is viewed in the study not through the prism of politeness and one's desire to cooperate, but from the perspective of its immanent conflict nature. The aim of the research is to identify certain tactics of conflict communication and means of their verbal expression in the repertoire of English and Russian *homo loquens* involved in conflict communication studied within the realms of interpersonal conflicts realized in contemporary Russian and English drama. Plays written by the representatives of in-*yer-face* theatre, which is usually referred to as tending to question moral norms, smash taboos, use blatant language, mention the forbidden, Mark Ravenhill, David Eldridge and Philip Ridley as well as plays by the Russian playwright Ivan Vyrypaev, the representative of the-so-called "novaja drama" greatly influenced by in-*yer-face* theatre, have been chosen as the materials for the present research. The speech genre of drama tends to render the peculiarities of human interaction precisely, thus providing knowledge about the culture of communication circumscribed by a particular speech genre. In the course of the study exceptional attention was paid to the tactics initiating conflict interaction and signalling about the incompatibility of the mental representations or goals of the interactants. The foundation upon which the discussion expands is provided by G. Leech's ideas concerning the Politeness Principle and the maxims it embraces, as well as P. Brown and S. Levinson's notion of positive and negative face. The research data revealed that the Russian interactants prefer to breach the maxims of agreement, approbation and tact as tactics initiating conflict communication, whereas the English *homo loquens*, when signalling about their intention to become involved in conflict interaction, tend to violate the maxim of tact less frequently, but similarly to Russian interactants, they also breach the maxims of agreement and approbation. It should be pointed out that in the process of conflict communication both negative and positive faces of the addressees are threatened.

KEY WORDS: a tactic of conflict communication, a maxim of the Politeness Principle, one's positive face, one's negative face.

Jelena Kirejeva

Vilniaus universitetas, Lietuva

Moksliniai interesai: kognityvinė lingvistika, diskurso analizė, pragmatika

APIE KAI KURIAS KONFLIKTINĖS KOMUNIKACIJOS TAKTIKAS**Santrauka**

Straipsnyje nagrinėjama žmogiškoji interakcija per konfliktą, nes būtent konfliktas yra suvokiamas kaip neatsiejama ir prigimtinė žmogiškosios egzistencijos dalis.

Tyrimo tikslas yra atpažinti tam tikras konfliktinės komunikacijos taktikas ir jų kalbinės raiškos priemones anglų ir rusų *homo loquens* (liet. *kalbantis žmogus*), įtraukto į konfliktinę situaciją, kalbėjime. Tirti pasirinktos šiuolaikinės anglų ir rusų dramos, kuriose analizuojami konfliktai ir juose pasitaikančios konfliktinės komunikacijos taktikos. Tiriamos *in-yer-face* teatro atstovų Marko Ravenhillo, Philipo Ridley'io ir Davido Ridley'io dramos, taip pat *naujosios dramos* atstovo Ivano Vyrypajevo dramos. Drama kaip tyrimo medžiaga vertinga tuo, kad joje tiksliai ir išsamiai

perteikiamos žmogiškosios tarpusavio sąveikos ypatybės ir atskleidžiama interaktantų bendravimo kultūra. Nepaisant bendrų bruožų, būdingų *in-yer-face* teatrui ir *naujajai dramai*, matyti, kad interaktantai išsaugo gebėjimą atskleisti savo priklausomybę skirtingoms kultūroms ir skirtingomis vertybių sistemomis.

Pagrindinis dėmesys straipsnyje yra sutelktas į taktikas, sukeliančias konfliktinę komunikaciją ir įspėjančias apie interaktantų tikslų ar jų mentalinių reprezentacijų nesutapimą. Tyrimas remiasi Geoffrey'io Leecho mandagumo principu ir maksimomis, kurios jį sudaro, taip pat Penelopėės Brown and Stepheno Levinsono negatyviojo ir pozityviojo mandagumo sąvokomis.

Straipsnyje prieinama prie išvados, kad rusų *homo loquens* dažniausiai pažeidžia pritarimo (angl. *approbation*), neišreikštos nuomonės (angl. *opinion-reticence*) ir takto (angl. *tact*) maksimas, tai suvokiama kaip konfliktinę komunikaciją sukelianti taktika, o anglų *homo loquens*, įspėjantis apie savo ketinimą pradėti konfliktą, rečiau pažeidžia takto maksimą, bet taip pat, kaip ir rusų *homo loquens*, nepaiso pritarimo ir neišreikštos nuomonės maksimų. Maksimų pažeidimas pradeda konfliktinę komunikaciją ir sukelia grėsmę tiek anglų, tiek rusų *homo loquens* pozityviajam ir negatyviajam mandagumui.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: konfliktinės komunikacijos taktika, mandagumo principo maksimos, negatyvusis ir pozityvusis mandagumas.

Įteikta 2015 metų liepos 15 d.